

Любимов Ю.

1988 30/12

МОСГОРСПРАВКА

103609, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ
30 МАИ 1988

г. Москва

№ 172

«Ну зачем это делать?» — Ю. Любимов обращался к Н. Губенко и ко мне, раздосадованный вопросами корреспондента Венгерского телевидения. Он отвечал венгерскому коллеге, который хотел получить нужные редакции ответы в отчетливо прямолинейной форме, афористично и резко. — Умные люди все равно поймут, что в интервью Венгерскому телевидению я на все дал ответ. Только зачем же надо публично ковырять раны так, чтобы человеку было больно? Почему у журналистов существует эта странная потребность — вызывать боль? Зачем это делать?.. Я ведь еще в Мадриде, отвечая корреспонденту «Известий» (№ 90), сказал: давайте щадить нервы друг друга...

Было бы странно думать, что все происходящее не волнует меня, не вызывает никаких чувств, но мне восьмой десяток, а с годами мы становимся сентиментальными. Однако я не люблю сентиментов. Есть факты. Факты сегодня важнее. Я здесь, в Москве. Встречался с людьми. Меня понимают. Был на репетициях «Бориса Годунова». Был на премьере спектакля «Владимир Высоцкий», запряченного в 1981 году. Это факты. Дела. Поступки. Они важнее любых слов. И эти факты не могут опровергнуть те, кто настроен против сегодняшних положительных процессов в стране.

Конечно, я здесь по частному приглашению Николая Губенко, приехал как частное лицо. Прежде всего для того, чтобы увидеть могилы дорогих мне людей и свой театр, свои спектакли. Но это только начало, так я себе все это представляю... И, естественно, я раздражаюсь, когда мои поступки пытаются облекать в затертые журналистские схемы. Хотят превратить в сенсацию каждое мое слово и действие. А я не хочу сенсаций. Хочу работы в своем театре. Надо нормальнее говорить друг с другом, человечнее, естественнее. Этого требует сегодняшняя жизнь. При этом, что она стала жестче, суровее, идет общественная борьба в нашей стране, сталкиваются разные мнения и позиции, нередко полярные. И в это суровое время, как никогда, нужны дела, а не болтовня о том, какие чувства кого обуревают. Если слова трепать, они вообще перестают действовать. Я уже побыл в плену слов,

которые не выражали существа моих помыслов. Когда дал согласие подписать «Манифест 10», тот, который был опубликован в «Московских новостях», то думал, что он будет полезен перестройке. А вышло наоборот. Вам надо только понять, что я не знал о том броском заголовке, который предшествовал этому письму, — в западных газетах их вообще придумывают отдельные люди, и то и важно, чтобы было позорнее, посенсационнее. Ну а, кроме того, коллективные письма никогда не выражают

Наш Театр на Таганке был создан импульсами XX и XXII съездов КПСС — мы проскочили в дверь, которую распахнули в середине 50-х. Образуясь наш театр чуть позже — и ничего бы могло и не произойти. Нас и тогда, в 1964-м, пытались закрыть. Пытались закрыть студенческую работу. Спасла газета «Правда», статья Константина Симонова о «Добром человеке из Сезуана». Спасли рабочие двух заводов — «Станколита» и «Борца», которых позвали в училище имени Б. В. Шукина, чтобы они, рабочие, сказали: нам, мол, такое ис-

последние работы коллектива, не было никаких условий для нормальной работы...

Сегодня я здесь, понимаю, как много изменилось. За это время, несмотря на трудную работу, читал газеты, журналы, выходящие книги. Знал о жизни нашего театра. О том, что вернулись мои спектакли. Что Николай Губенко возглавил дело. Знал, что М. С. Горбачев во время посещения театра, когда им руководил А. В. Эфрос, расспрашивал о судьбе моих спектаклей. Знал, что готовится выпуск «Бориса Годунова» — пуш-

освободить из-под восемнадцатилетнего запрета. А потом уже вернуться к неосуществленным замыслам, к тому, что не было разрешено прежде. К «Бесам» по роману Ф. М. Достоевского, к блистательной драме моего покойного друга Н. Эрдмана «Самоубийца», к другим вещам. Но прежде, пожалуй, хочу сделать спектакль по поэзии и прозе Б. Пастернака — этому замыслу почти четверть века. Я имел честь быть знакомым с ним, сидел у него на даче в самые трудные минуты его жизни. Мы не говорили о той волне гнева, которая обрушилась на него, — как его только не называли тогда, не хочется повторять! — мы говорили об искусстве, о поэзии, о том, как звучит в устах актера шекспировский стих в его переводе. И в этом было его великое мужество. Великое достоинство.

Хочется работать в своем театре — я давно настроился на перестройку, извините, за банальный каламбур.

У меня есть контракты за границей, которые я должен выполнить. Иначе вынужден буду платить огромные неустойки: у меня нет для этого средств, а за меня никто платить не станет. Но и в том, что буду работать не дома, не вижу греха — пропаганда нашей культуры, нашего искусства — вещь нужная Отечеству во все времена, тем более сегодня. Но все предположения, которые будут поступать впрямь, хочу соотносить с планами своей работы в Театре на Таганке, это для меня важнее всего, и, конечно, с требованиями искусства. Хочу заниматься искусством. Нужно сохранить здоровье ума, нужно сохранить теплоту сердца, нужно сохранить в себе добрые начала.

Вот и все. Что еще можно добавить? Мы хотим работать, а не разговаривать. Сейчас люди должны работать, а не разговаривать. Во имя того, чтобы история не повернула вспять. Кончилась эпоха болота, болото должно быть ликвидировано, чтобы мы не страдали от смрада и комаров. Для этого нужны общие усилия. Мы должны спасти свою страну, что и делают умные люди, каждую минуту делают, и нельзя быть в стороне. Время, позитивные процессы, происходящие в нашей стране, требуют активного участия. Требуют дела, не слов. А уж работая, можно и поговорить.

Записал М. ШВЫДКОЙ.

НЕ ХОЧУ СЕНСАЦИЙ. ХОЧУ РАБОТАТЬ....

Второе интервью Юрия Любимова для «Известий»

личных чувств, тем более что мне читали его в конце концов по-английски, — кто-то вставляет какую-то фразу, тебе она может не нравиться, тебе кажется, что нужно вставить не это, а что-то другое. Ну, в общем, все это известно... Я долго не мог расхлебаться с этим «Манифестом» там, на Западе, ибо категорически отказывался участвовать в подобного рода коллективных воззваниях. И впрямь не собираюсь... Я художник, а не политик. И не собираюсь заниматься политикой, слава богу, сегодня хватает художников от политики, которые занимаются этим делом куда как лучше меня. Ошибки, как известно, делают и большие политики. А я — художник. Я сегодня здесь, разговариваю с вами, несмотря на то, что, как я полагаю, решение о моем приезде было делом непростым.

Искусство сегодня должно пробуждать человечность, гуманность, должно преисполняться заботой о сохранении бытия человеческого на земле, должно заставить людей понять их взаимосвязанность и необходимость друг в друге. А в нашей стране искусство должно утверждать необратимость тех процессов общественного обновления, о которых мы мечтали. Нужно, чтобы этот животный, необходимый для нашего Отечества процесс не остановился, не был прерван, как это произошло, к сожалению, при Н. С. Хрущеве.

кусство не нужно, непонятно, что, мол, это все формализм... А они посмотрели — и были в восторге. «Нельзя ли это к нам на завод привезти или что-нибудь такое...» — говорили они людям, которые приглашали их для того, чтобы закрыть спектакль, так сказать, от имени рабочего класса. Говорили — и жали руки этим людям. Помню это отчетливо: стоял рядом и был как бы ни при чем... Помогли зрителям, которым нужно наше искусство.

Нам повезло — и мы создали свой театр. В критике да и у широкой публики сложилось впечатление, будто мы баловни судьбы. Но это не так. Все давалось с невероятным трудом. Дважды я был уволен. Не раз находился на грани увольнения, а театр под угрозой реформирования. Мне прозрачно намекали: «Мы вас не держим. Уезжайте туда...» В февральской книжке журнала «Театр» за нынешний год артист Театра на Таганке В. Смехов поведал о наших злоключениях. Реальность была куда как драматичнее. Помню единственное разрешенное публичное представление «Владимира Высоцкого» в 1981 году. Для того чтобы пройти в театр, нужно было миновать два кордона милиции, имея на руках паспорт и пропуск на спектакль. А я как на грех забыл и то, и другое... Когда в 1983 году были прекращены репетиции «Бориса Годунова», мы оказались на грани самороспуска: по существу, были запрещены две

кинское шедевра, одного из величайших творений мировой драматургии. Это жемчужина русской словесности, к которой мы отнеслись бережнейшим образом. Какой бы ни был спектакль в 1983 году, каким он будет сегодня — не мне про это говорить, но запрещать «Бориса Годунова», искать в нем аллюзии могли лишь люди с болезненной подозрительностью, люди, которым на самом-то деле не дорога история Отечества и его будущее. В тексте А. С. Пушкина можно найти созвучия, параллели с любым временем, с прошлым, настоящим, будущим, как в «Гамлете», «Короле Лире» или «Горе от ума». Потому, что это гениальное творение, вечное искусство. Оно не стареет. Стареем, к сожалению, мы. Актеры постарели, я постарел. Но не трагедия А. С. Пушкина, не спектакль, который мы замыслили. Настоящее искусство понятно зрителям всех возрастов. «Броненосец «Потемкин» понятен сегодняшней молодежи, волнует ее... Вслушиваясь в текст «Бориса Годунова» и понимал, что он нужен сегодня. Сегодня, как и всегда. Но сегодня особенно — пробуждает высокие чувства и мысли, которые необходимы для современного обновления нашего общества...

После «Бориса Годунова» хочется, чтобы Театр на Таганке вернулся к «Живому» по Борису Можаяву, его необходимо